

Идеология и ментальность дореволюционной русской интеллигенции

Дискуссия о том, чему ближе Россия - Западу или Востоку, возникла еще в XIX веке. Выдвигалось множество гипотез, каждая из них по-своему отражала реальность. Но неослабевающий интерес к теме показывает, что найденные ответы всегда уязвимы, а открытые истины далеко не абсолютны. По всей видимости, длительность споров можно объяснить тем, что каждая очередная научная школа, каждый исследователь пытались объяснить сложнейшие социально-психологические процессы огромной страны одной или несколькими причинами. Между тем, если подобный подход был допустим при анализе допетровской России или в крайнем случае до начала XIX века, то в XIX, а уж тем более в XX веке наша страна представляла собой сложный конгломерат, сумму двух миров: один - мир деревни (со своими условиями жизни и традициями), другой - мир города. Упрощенные подходы здесь явно не годятся.

Примером того, как непросто формировалась психология городских слоев России, является история нашей интеллигенции.

В XVIII - начале XIX века русские музыканты, художники и актеры в подавляющем большинстве были крепостными. Вполне возможно, что подобным занятиям предавались и некоторые мещане. Доподлинно известно, что искусством увлекались дворяне. Но все эти занятия тогда считались уделом черни, поэтому представители правящего сословия скрывали профессиональный характер своих пристрастий, отчасти стыдились их, редко получали специальное образование, на всю жизнь оставаясь дилетантами. Эта социальная среда породила единственного титана - А. Пушкина. Но в его творчестве еще нет того, что станет сутью мировоззрения русской интеллигенции XIX века - покаяния и поиска правды. Пушкиным двигал радостный избыток духовной мощи, большинством других гениев русской литературы - душевные муки и сострадание. Пушкинское мировоззрение не было принято обществом. А. Фет, Я. Полонский, Ф. Тютчев и другие дворянские писатели и поэты XIX века попытались вернуться к лирическим сюжетам, к поэзии ради поэзии, но поддержки общества они не получили, а имя Фета даже стало символом бесцельного эстетства.

Между тем жизнь шла вперед, государственному аппарату и экономике требовались специалисты, а дворянство в университеты и институты идти не хотело. В результате на общественную арену вышла разночинская интеллигенция, внесословная, слабо укорененная в обществе группа, стремившаяся обрести значимую социальную роль и сформировавшая свою собственную идеологизированную культуру.

Принцип подчинения культуры политике в сознании интеллигенции обосновали В. Белинский и Н. Чернышевский. А. Герцен заложил основы народнической теории, постепенно переросшей в "народопоклонство", преклонение перед нравственными и духовными качествами крестьянства, традиционными формами общественного устройства деревни. Никто из этих людей не имел глубоких научных оснований для утверждения, что русский мужик, народ способны предложить правильную и справедливую форму социального устройства. И все-таки именно их идеи захватили умы интеллигенции. Независимо от политических оттенков - собственно народники, народолюбцы, марксисты, многие либералы - были "народниками", ибо по духу «все хотели служить не богу и даже не родине, а "благу народа", его материальному благосостоянию и культурному развитию. И главное - все верили, что "народ", низший, трудящийся класс по природе своей есть образец совершенства, невинная жертва эксплуатации и угнетения» [1].

Составной частью ментальности радикальной интеллигенции являлась вера в революцию. Жила искренняя мечта о русском варианте Великой Французской революции. Знали о якобинском терроре, о М. Робеспьере. Но на этических весах интеллигенции Свобода, Равенство и Братство перевешивали все минусы революционного насилия.

Даже такой титан русской культуры, как Л. Толстой, не вносил в души своих читателей примирения с государственной традицией. Н. Бердяев писал, что Толстой "не признает насилия... отрицает технику и рациональную организацию жизни, он проповедует любовь, а не ненависть. Но... он отрицает прошлое, традиции истории, старую культуру, церковь и государство, отрицает всякое экономическое и социальное неравенство, он громит привилегированные, господствующие классы, не любит культурную элиту... Толстой весь проникнут мыслью, что жизнь цивилизованного общества основана на лжи и неправде. Он хочет радикально порвать с этим обществом. В этом он революционер, хотя и отрицает революционное насилие" [2].

"Народничество" захватило многих. В музыке оно расцвело в творчестве композиторов "Могучей кучки". В живописи это мировоззрение проявилось в картинах передвижников. В литературе оно достигло своей вершины в поэмах Н. Некрасова.

В определенной мере это было следствием социальной незрелости и узости поля деятельности интеллигенции. Эти условия "слились" в одной исторической точке, но рано или поздно они могли (должны были) исчезнуть, а вместе с ними не могла не рухнуть и эта идеология. Что и произошло в конце XIX века.

Первым диссонансом в хоре "семидесятников" оказался голос писателя-демократа Г. Успенского, отказывавшегося видеть источник всех бед вне крестьянского мира и указывавшего на такие качества мужика, как грубость, жестокость, корыстолюбие. Отсюда и задача интеллигенции виделась ему не в устройстве политических переворотов или в терроре, а в устранении элементарного невежества масс. О том, что Успенский был не одинок в своем мнении, можно судить по популярности романов П. Боборыкина, не разделявшего увлечение коллег-писателей мужицкой темой.

Критика народнических идеологов исходила из уст далеко не последних людей русской культуры. Например, композитор И. Стравинский оценивал поколение шестидесятников во главе с Н. Чернышевским, Д. Писаревым и Н. Добролюбовым как "мнимых интеллектуалов", нравственно деклассированных и лишенных социальных корней, семинаристов-атеистов и недоучившихся студентов. С такой характеристикой можно не соглашаться, возразив, что великий композитор не разбирался в социологии. Но его авторитет в музыке не может быть подвергнут сомнению, а между тем Стравинский полагал, что "Могучая кучка" представляет собой не объединение композиторов-профессионалов, а союз любителей-славянофилов "популярного толка" [3, с. 490]. "Идеи и вкусы этих музыкантов склоняли их к своего рода благоговению перед народом и его интересами... Поначалу их свежесть искупала несовершенство их техники. Но свежесть с трудом поддается обновлению. Настал момент, когда почувствовалась необходимость усложнить произведения, а для этого

усовершенствовать технику" (курсив мой. - Б.З.) [3, с. 486, 487]. Пришлось порвать с любовью и народничеством. Из "кучкистов" такую эволюцию совершил Н. Римский-Корсаков и стал знаменитым профессором.

Основным условием поворота в ментальности интеллигенции стали расширение образованного общества и рост профессиональной конкуренции, что заставило интеллигенцию сосредоточиться на задачах творческого процесса. Например, в 1864 году в стране было выпущено 1836 названий книг, а в 1890 году - 8638. Водном лишь Петербурге в Высшем художественном училище при Императорской академии художеств и Центральном училище рисования в 80-е годы обучалось около 500 студентов. На смену революционной молодежи 60-70-х годов пришла молодежь философствующая и эстетствующая, радикализм "отцов" ее коробил. Начали меняться взгляды на искусство: вместо критики действительности, идейной направленности на первое место выдвигалась проблема нравственности и красоты. Даже Ф. Достоевский [4] и Л. Толстой [5] заговорили о самоценности искусства.

В 1880 году вспыхнул конфликт между старыми и молодыми передвижниками по поводу тематики произведений: молодые были недовольны ее узостью и тенденциозностью, сползанием эстетики критического реализма к пассивному объективизму, морализаторству, наивному дидактизму. И. Репин и В. Суриков еще продолжали высоко нести знамя этого художественного направления, но К. Коровин "ушел" в импрессионизм, М. Врубель - в мир грез, М. Нестеров - в религию, В. Серов, и И. Левитан старались отображать гармонию души и жизни.

Общественность встретила новое веяние настороженно. Когда П. Третьяков приобрел картины Серова и Нестерова, в прессе появились резко отрицательные высказывания. Вскоре критика начала открыто глумиться над художниками этого направления. В целях самозащиты и отработки новых эстетических позиций группа петербургских художников в 1898 году объединилась вокруг созданного ими журнала "Мир искусства".

Первоначально казалось, что эти совершенно разные люди объединились по иронии судьбы всего лишь на мгновение: чуточку вялый, хрупкий, миниатюрный К. Сомов; трагический М. Врубель, у которого каждый мазок кисти - обнаженные нервы, страдание и боль; изящный А. Бенуа. Но общее было сильнее различия характеров и художественной техники - неприятие холодного академизма, отрицание тенденциозности передвижников с их постоянной направленностью на общественную борьбу. "Нас инстинктивно тянуло уйти от отсталости российской художественной жизни, - напишет позднее Бенуа, - избавиться от нашего провинциализма и обратиться к культурному Западу" [6].

"Мирискусники" сразу же подверглись критике за декадентство, пессимизм, антидемократизм, В. Стасов разразился целой серией статей: "Нищие духом", "Подворье прокаженных", "Две декадентские выставки" и другие [7]. Однако избранное направление оказалось не блажью богемы, а закономерной реакцией на чрезмерную публицистичность, политизацию культуры в целом. Условия для духовного переворота создала смена распределительного идеала (уравнительность, социальная справедливость) идеалом творческим - "красота спасет мир".

Данную философию разделяли не только петербургские художники. Московский "Союз русских художников" стоял на несколько иных художественно-технических позициях, но кричащих, страдающих, зовущих к борьбе полотен не появлялось и там. Более того, в 10-е годы XX века московские художники перешли на позиции постимпрессионизма, создав "Бубновый валет" и "Голубую розу". Некоторое расхождение эстетических позиций не мешало и москвичам, и петербуржцам быть едиными в приверженности "чистому" искусству и аполитичности. По их представлениям, творцу нет необходимости опускаться к "низменной жизни". Влияние на общество они собирались оказывать путем создания нового духовного идеала и преображенной эстетической среды. Поэтому все они пробовали свои силы одновременно в живописи, графике, театре, проектировании мебели и домашней утвари.

В ту же полосу отрицания прежнего мировоззрения вступила в 90-е годы XIX века и русская литература в лице Д. Мережковского, А. Белого, В. Брюсова. Художник или Поэт для символистов - это демиург, создающий миры, творящий нового человека.

Поэтика символистов была направлена на совершенствование формы. Используя эстетические принципы, они стремились познать бытие, понять законы Вселенной, разбудить в человеке "священный огонь". Эти поэты занимались созданием альтернативных художественных ценностей. Герои стихов Мережковского полны сомнений в способности поэта выполнять роль трибуна. То, что в советском обществоведении считалось главной заслугой русской литературы XIX века - ее народность, - Мережковский рассматривал как трагедию, результат влияния толпы, не совместимый с высшей идеальной культурой [8]. Он требовал от искусства освобождения от "бремени жизни", создания "символических характеров". Он подверг резкой критике творчество шестидесятников за их "деловитую сухость", "отрицание красоты и поэзии", "презрение к величайшим вопросам жизни, т.е. вопросам религии и христианской нравственности" [8, с. 63]. Другой идеолог символизма Брюсов признавал только борьбу за свободу личности, требуя от художника разрыва с объективной действительностью и полного погружения в собственное "я".

Появление нового стиля в архитектуре было связано одновременно с развитием буржуазии и оживлением строительного дела. В 80-90-е годы львиная доля заказов стала поступать не со стороны дворянства и государства, а от купцов и промышленников. Если раньше соборы и дворцы возвеличивали родину и монархию, купеческие особняки строили для личных целей, более комфортабельной жизни. Соответственно выше стали цениться не формальный, а прикладной рационализм, не монументальность, а красота и удобство. Изменялись требования буквально к каждому архитектурному элементу. Отныне в стекле и бетоне должны были отражаться индивидуальный характер и прихоти заказчика. Идеалы классицизма отторгались, все нормативное - портики, колонны, фризы - воспринималось теперь как мертвящее, сковывающее начало. Симметрично спланированное пространство уступало место асимметрии. Привычные каноны приходилось отрицать и в связи с увеличением городского населения. Рост городов приводил к повышению стоимости земли, к уплотнению застройки, к отказу от создания архитектурных ансамблей. Так возник модерн - индивидуализм в камне и стекле.

В музыке новое направление появилось сначала в сочинениях А. Рубинштейна и П. Чайковского, а своего расцвета достигло в произведениях А. Скрябина и особенно И. Стравинского.

Что касается основной массы интеллигенции - земских служащих, учителей, врачей, - то ее ментальность начала меняться под влиянием поражения революции 1905-1907 годов. В. Ленин считал, что буржуазная интеллигенция изначально консервативна, и разгром революции неминуемо должен обернуться усилением этого консерватизма, перерасти в контрреволюцию и бегство из подпольных организаций тех немногих интеллигентов, которые туда когда-то по ошибке забрели [9]. В. Чернов был более сдержан в оценках. По его мнению, интеллигенция "устала и разочаровалась" [10]. Но скорее всего это была реакция на эфемерную непрочность несбывшейся мечты о царстве справедливости, созданном на основе мудрости и высочайшей морали народа.

Интеллигенция была поражена тем что, развив огромную разрушительную силу, народные массы оказались неспособны предложить созидательную программу развития государства. Поэтому лишь малая ее часть осталась на прежних позициях, большинство совершило мировоззренческую эволюцию от материализма и марксизма идеализму и либерализму. Показателем такого поворота стал выход в свет в конце

марта 1909 года сборника "Вехи". Тираж для философской работы был немалый - три тысячи экземпляров. В течение того же года "Вехи" выдержали еще три переиздания. Общий тираж составил 14 тыс. экземпляров - предел для подобного рода книг. "Вехи" стали первым документом интеллигенции, в корне подрывающим народнические и воспевающим буржуазные ценности.

Во-первых, авторы сборника с горечью для себя признали политическую беспомощность широких народных масс: "Надо иметь, наконец, смелость сознаться, что в наших государственных думах огромное большинство депутатов (за исключением трех-четырёх десятков депутатов кадетов и октябристов) не обнаружило знаний, с которыми можно было приступить к управлению и переустройству России" [11, с. 123].

Во-вторых, веховцы призвали интеллигенцию заняться ее непосредственной работой - развитием культуры, просвещением. "Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда зародится новая душа интеллигенции" [12, с. 26].

Далее, они провозгласили новые ценности. "То фанатическое пренебрежение ко всякому эгоизму - как личному, так и государственному, - которое было одним из главных догматов интеллигентской веры, причиняло нам неисчислимый вред. Эгоизм, самоутверждение - великая сила... Нет никакого сомнения, что начинающийся теперь процесс сосредоточения личности в самой себе устранил эту пагубную односторонность" [12, с. 99].

И, наконец, главное: "...Нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, - бояться его мы должны пуще всех козней власти и благославлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной" [12, с. 92].

Реакция на сборник оказалась необычайно быстрой. На "веховцев" обрушилась критика представителей разных политических течений - от революционеров-большевиков во главе с Лениным до Л. Толстого. С. Мельгунов обвинил авторов "Вех" в клевете на интеллигенцию [13]. Наибольшее число публикаций появилось в печатных органах большевиков. Уже в ноябре 1909 года Ленин прочитал в Париже реферат "Идеология контрреволюционного либерализма". Затем последовали его статьи "О Вехах", "Еще одно уничтожение социализма", "Веховцы и национализм", "Наши упразднители", "Еще один поход на демократию". Л. Каменев опубликовал статьи "О Вехах", "На действительной службе". Откликнулись Л. Троцкий, А. Луначарский. В 1911 году большевики выпустили целый сборник статей под названием "Из истории новейшей русской литературы" [14].

Казалось, такое единодушное отрицание веховских идей демонстрировало их ошибочность. Кроме того, в 1910 году закрылся рупор веховцев - журнал "Московский еженедельник", что вроде бы подтверждало отсутствие глубокого воздействия веховцев на интеллигенцию. "С точки зрения объективной (помимо наших личных обстоятельств и чувств), прекращение Еженедельника не простая случайность, - писал руководитель журнала Е. Трубецкой одному из своих единомышленников в августе 1910 года. - Если бы он оказывал глубокое влияние и был необходим, мы, вероятно, нашли бы способы его продолжать. А что он не влиял, - это обуславливается не одной общинной психологией, но причинами более глубокими" [15, с. 38].

Однако время шло, и оно подтвердило: в главном - констатации утраты интеллигенцией народнических иллюзий - веховцы оказались правы. В результате интеллигенция "ушла" из революции. Отчитываясь о работе в местных организациях, делегаты VI Пражской конференции большевиков хором повторяли одно и то же: интеллигенции в организации совсем нет [16]. Рабочий-большевик уже после революции вспоминал: "В самые тяжелые годы реакции рабочие остались почти без интеллигентных руководителей..." [17, с. 189]. О том же говорил член петербургского комитета большевиков перед первой мировой войной К. Орлов (И. Егоров): "Партийной интеллигенции среди активных работников петроградского комитета совершенно не было. Где-то в городе она жила совершенно особенной группой, ютилась около

М. Горького, но о ней ни пролетариат, ни его кварталы не знали и не имели сведений. Мы чувствовали, что мы, пролетарии, одни, даже некому было написать небольшой листок или воззвание. Все сидели сложа руки, грустили и бежали от нелегкой работы, как черт от ладана. Рабочие были предоставлены сами себе" [18, с. 29]. Эту точку зрения подтверждал и А. Шляпников [19]. Таким образом, Каменев и Троцкий были правы, когда говорили: несмотря на дружное осуждение веховцев интеллигенцией, данный сборник - это не плод большого сознания отдельных публицистов, а выражение ее новой идеологии [20].

Личное мужество и порядочность многих представителей интеллигенции (например, В. Серов сложил с себя звание академика Императорской академии художеств, президентом которой оставался великий князь Владимир Александрович, командовавший в 1905 году Петроградским военным округом и несший, таким образом, ответственность за расстрел рабочих 9 января) не перечеркивали суть вывода Каменева и Троцкого: в годы революции 1905-1907 годов и последующий период действительно произошел массовый отказ интеллигенции от "народнической" идеологии XIX века.

Весной 1912 года Комиссия по борьбе с самоубийствами учащихся Русского общества охранения народного здоровья провела анкетирование 20 тыс. студентов высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Комиссия получила 2118 ответов. 47,7% опрошенных признали себя индивидуалистами, для 43,8% интересы коллектива по-прежнему являлись более значимыми, чем собственные потребности [21, с. 58].

Ответы некоторых студентов оказались естественно (для их возраста) категоричны. Например: "Являясь сторонником индивидуализма, я бы желал, чтобы все были аристократами духа. Коллективизм-мещанство" [21, с. 58]. Но много было и более спокойных ответов, например: "Не отказываясь от своего "я" (так как отказываясь от "я", ты отказываешься от звания человека), не живи для других, позабывая себя..., но живи для себя... поскольку ты живешь для других. Делай так, чтобы твоя цель была целью общества (человечества), чтобы твой путь к (личному. - Б.З.) идеалу был широкой дорогой к идеалу общественному, и осуществление его было осуществлением идеала общественного" [21, с. 58].

Революция 1905-1907 годов подняла волну политической активности всех слоев населения. Интеллигенция в эти годы создала много новых организаций, а уже существовавшие активизировали свою работу. Были проведены Съезд деятелей профессионального и технического образования, Пироговский съезд врачей. Всероссийский съезд обществ взаимопомощи учителей, Московского общества сельского хозяйства и многие другие. Основным смыслом их деятельности было принятие революционных резолюций и призывов.

Но революция закончилась, а с ней изменилась и тематика съездов. Так, на II Всероссийском съезде художников и любителей художеств, состоявшемся в Петрограде зимой 1911 года, 1200 делегатов обсуждали вопросы архитектурного и художественного облика городов, расширения сети художественных учебных заведений, отношение Академии художеств к жизни своих питомцев, вопросы социальной защиты [22]. Архитекторы в декабре 1913 года провели свой пятый съезд, на котором рассматривались профессиональные темы: строительная технология, строительное законодательство [23]. Такие же непривычно безликие, чисто профессиональные съезды проводились и другими организациями. На II съезде Всероссийского литературного общества (апрель 1910 года) столкнулись было два взгляда на роль и задачи съездов: "профессионалов" и "революционеров-марксистов". Первые придавали особое значение профессиональным задачам, считая, что их надо решать независимо от политической ситуации в стране, вторые же полагали, "что профессиональные интересы в жизни писателей имеют вообще ограниченное значение, при данных же условиях необходимо прежде всего отстаивать свободу, независимость и достоинство печати и ее деятелей" [24, с. 191].

Всего лишь несколькими годами ранее такого спора в принципе не могло воз-

никнуть: писателей-"профессионалов" на съездах не было заметно. В 1910 году дело приняло иной оборот: после изложения своих позиций между двумя группами чуть не вспыхнула ссора. В итоге "революционеры-марксисты" не стали настаивать на своей точке зрения, и конфликт оказался исчерпан. Расставание с привычными красивыми идеями проходило нелегко. Так, один из участников Пироговского съезда писал: "С тяжелым чувством разъехались врачи по разбросанным уголкам России, чтобы снова приняться за будничную работу. Что нового они принесут с собой? Съезд был многолюдным, в этом отношении врачи, настроенные ранее пессимистично, в первые дни под влиянием этого факта - многочисленности участников съезда - только ободрились. Но с каждым заседанием настроение падало, чувствовалось недовольство, неудовлетворенность... Временами звучали нотки, характерные для прошлых съездов: то старые идеалисты будировали молодых, напоминая о заветах предшественников, призывали к работе на пользу грядущего. Но нотки эти звучали глухо, отклика не находили" [24, с. 185]. Ему вторил другой участник съезда: "Не было связующего настроения, не наблюдалось захватывающего подъема, не чувствовалось объединения" [24, с. 185].

Эти настроения были не просто распространены среди интеллигенции, а доминировали.

Характерной чертой ментальности российской интеллигенции XIX - начала XX века являлась ее оппозиционность. Авторы "Вех" - символисты, русские импрессионисты - совершенно справедливо попадали под удары критических статей: для культивирования индивидуализма, для жизни в мире духовных ценностей у подавляющей массы интеллигенции просто не было возможностей. Да, она ушла из революционных кружков, но признать при этом, что российская социально-политическая система - нормальная, справедливая - интеллигенция, конечно, не могла. Одна из причин оппозиционности коренилась в жизненных условиях.

Годовой доход свыше 10 тыс. рублей перед первой мировой войной имели не более 2% интеллигенции (если под этим слоем подразумевать работников сферы здравоохранения, образования, искусства, литературы и юриспруденции; если же в понятие "интеллигенция" включить всех людей с высшим образованием - инженеров, служащих, офицеров, - этот процент будет еще ниже). В эти 2% людей с высоким уровнем жизни входили одаренные адвокаты, представители богемы, некоторые слои инженеров. Так, инженеры-путейцы в 90-е годы съезжались в Киев в годовщину открытия своего института и "с упоением хвастали внушительными счетами в банке, собственным выездом, выгодной женитьбой, удачной покупкой ценных бумаг... Карьера, комфорт, деньги, новые ступеньки по служебной лестнице - вот в чем состояли идеалы таких людей" [25, с. 27]. Около 5% (творческая интеллигенция) имели годовой доход в 6-9 тыс. рублей [26], около 15% - 3-4 тыс. (к этой категории относилось большинство ученых и старших преподавателей) [27]. Приблизительно 40% имели заработок 1,5-3 тыс., почти 40% - учителя начальных школ, земские врачи, начинающие или неудачные служители Мельпомены, провинциальные журналисты, разночинное студенчество - имели зарплату в 1,5 тыс. руб. в год и меньше [28], т.е. приблизительно столько же, сколько получал квалифицированный рабочий-металлист Санкт-Петербурга. Иных источников существования у большинства учителей, врачей, земских служащих не было.

После окончания революции 1905-1907 годов оппозиционные выступления на съездах почти не звучали, в частности, потому, что "рядовой интеллигент" из-за обычной бедности не мог оставить свои дела и отправиться в столицы. Когда же на съезды попадали "рядовые", с трибун звучали страстные антиправительственные речи. "Духовное рабство все еще держит в своих когтях русского художника, - говорил делегат II Всероссийского съезда художников и любителей художеств

М. Малышев, - и поэтому для масс, для народа он чужой и недоступный, он лишь или чиновник художественного департамента, или разночинец, многолетняя деятельность которого не дает ему никаких прав и не признается государством" [22, с. 99].

По оценкам Ленина, в той или иной форме около 30% интеллигенции участвовало в борьбе с самодержавием [29]. Но, например, Ф. Степун считал по-другому: «Широкие круги интеллигенции... вовсе не были в такой мере и степени захвачены исповедчески-политическим пафосом, как то казалось партийным "властителям дум". Помню, как я был удивлен тем, что страстные споры, шедшие одно время в Москве вокруг покаянного сборника "Вехи", совсем не интересовали провинцию. Провинциальные представители свободных профессий, земские деятели, народные учителя и учительницы не чувствовали себя виновниками» [30].

Подавляющая масса интеллигенции после революции 1905-1907 годов находилась вне рамок политической борьбы. Так, 4 июня 1908 года управление московского генерал-губернатора потребовало от московского охранного отделения сведения о наличии среди городских служащих (находящихся на государственной службе) лиц, принадлежащих к противоправительственным партиям. Через полгода охранные отделения представило отчет, оказавшийся вполне благополучным: один чиновник в молодости принадлежал к террористической группе, ряд других и некоторые врачи (тоже в молодости) участвовали в студенческом движении [31]. Через несколько лет проверка была повторена, оказалось, что наиболее неблагонадежной является Старо-Екатерининская больница: там из 151 работника 27 в свое время находились под негласным надзором полиции или являлись объектами агентурных данных [32]. Среди учителей почти каждый седьмой когда-то был под подозрением [33].

Оппозиционность настроений при общественной пассивности фельдшеров констатировали многие авторы журнала "Фельдшерский вестник". Такое положение они объясняли разобщенностью жизни, особенно в сельской местности, высокими членскими взносами в городах и, конечно, преследованиями со стороны властей [34, 35]. Любопытно, что в провинции степень общественной активности на деле была выше, чем в столицах: в Херсонской губернии и профсоюзах состояло 66,7% фельдшеров, в Казанской - 47,6, в Московской - 4% [36].

Интеллигенция оставалась наиболее активным в политическом отношении слоем страны. Советский исследователь Н. Щербаков провел социальный анализ ссыльно-переселенцев основных районов Сибири за 1908-1910 годы и получил следующие результаты, %:

рабочие	-49,1,
интеллигенты	-22,3.
крестьяне	-12,3,
прочие	-17,0.

Что касается социального состава административно-ссыльных, то в целом по стране он был следующим:

рабочие	-32,4,
крестьяне	-10,4,
интеллигенты	-7,2,
прочие	-20,3 [37].

Если учесть, что численность интеллигенции (по разным подсчетам) как минимум в 3, а максимум в 9 раз меньше численности пролетариата, то получается, что интеллигенция в межреволюционный период лидировала среди других социальных слоев в борьбе с царизмом. Впрочем, эти подсчеты можно оценить и по-другому: интеллигенция лидировала на фоне общей пассивности.

Довольно известная в революционных кругах социал-демократка Е. Кускова считала, что интеллигенция образца 1912 года "менее решительна в своих суждениях, более терпима, но и более недоверчива к ходячим теориям, наспех сколоченным

обобщениям... Способен ли этот тип к порывам былых времен? У нас нет данных для ответа на этот вопрос: еще слишком явно овеян этот новый человек пережитой реакцией... Как он использует просыпающуюся кругом жизнь, что внесет в нее от себя... покажут ближайшие годы; сейчас можно отметить только одну бросающуюся в глаза черту: стремление не к разрушительной, а к положительной работе, стремление пересоздать жизнь, а не разрушать ее" [34].

В 1995 году в нашей стране был издан двухтомник Р. Пайпса "Русская революция" [38], одна из глав которого называется "Интеллигенция". Понятие "интеллигент" автор трактует как "оппозиционер-интеллектуал". Точно так же делали Н. Бердяев, П. Миллюков и многие другие дореволюционные публицисты и мыслители (все они отмечали при этом, что понятие "интеллигенция" не имеет четкого определения). Если принять такой подход, придется признать и то, что после революции 1905-1907 годов интеллигенция в России практически исчезла (так как основная масса людей с высшим и средним специальным образованием не только отошла от политической борьбы, но и избавилась от народнических иллюзий). Поэтому, по всей видимости, следует вернуться для России к европейской трактовке интеллигенции как определенного слоя, создающего духовные богатства общества и живущего за счет продажи продуктов деятельности своего интеллекта. Что касается оппозиционности основной массы интеллигенции, то она связана не столько с ментальными особенностями "русского интеллектуала", сколько с природой и условиями творческого труда, когда духовная и политическая свобода, определенный материальный достаток являются естественными условиями профессионального существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франк С.Л. Крушение кумиров // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. I. С. 139.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 71, 72.
3. Стравинский И.Ф. Превращение русской музыки // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. II.
4. Кашина И. Эстетика Ф.М. Достоевского. М., 1975.
5. Толстой Л.Н. Что такое искусство? М., 1893.
6. Бенуа А. Возникновение "Мира искусства". Л., 1928. С. 21.
7. Стасов В.В. Избранные произведения. Т. III. М., 1952.
8. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893.
9. Ленин В.И., Полн. собр. соч. Т. 24.
10. Чернов В.М. Этика и политика: очерки. М., 1912. С. 62.
11. Вехи. М., 1910. С. 123.
12. Вехи. М., 1990. С. 26.
13. В защиту интеллигенции. Сб. статей. Приложение. СПб., 1909.
14. Из истории новейшей русской литературы. Париж, 1911.
15. Балашова Н. Российский либерализм начала XX века (Банкротство идеи "Московского еженедельника"). М., 1981.
16. Партия большевиков в годы нового революционного подъема. М., 1966. С. 345, 350, 351, 364, 375, 377.
17. Записки революционера, рабочего-большевика. Саратов, 1923.
18. Орлов К. Жизнь рабочего. От 1905 к 1907 году. Л., 1925.
19. Шляпников А.С. Канун семнадцатого года. М.-Пг., 1923. С. 9.
20. Каменев Л.Б. Между двумя революциями. Сб. статей. М., 1923. С. 318-320; Троцкий Л.Д. Литература и революция. Сб. статей. М., 1981. С. 159-160.
21. Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской студенческой анкеты 1912 года. СПб., 1913. С. 58.

- 22.Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Т. III. СПб., 1915.
- 23.Дневник V съезда русских зодчих. СПб., 1913.
- 24.*Пешихонов А.* На очередные темы (О нынешних съездах, о писательских в особенности) // Русское богатство. 1910. № 5. С. 191.
- 25.*Патон Е.О.* Воспоминания. Киев, 1956. С. 27.
- 26.*Амелин П.П.* Интеллигенция и социализм. Л., 1970.
- 27.Петроградские ведомости. 1916. 27 февраля.
- 28.*Ерман Л.К.* Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1961. С. 15.
- 29.*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23.
- 30.*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Из воспоминаний // Знание - сила. 1991. № 2. С. 46, 47.
- 31.ГАРФ, ф. 63, оп. 28, д. 1899, лл. 1, 108, 109, 114.
- 32.ГАРФ, ф. 63, оп. 30, д. 1173.
- 33.*Гришин Д.Б.* Демократическая интеллигенция Москвы, 1914-1917. Дисс. канд. исторических наук. М., 1993. С. 137.
- 34.Фельдшерский вестник, 1907. № 6. С. 230.
- 35.Фельдшерский вестник. 1912. № 10. С. 284.
- 36.Фельдшерский вестник. 1911. № 33. С. 1024, 1025.
- 37.*Щербаков Н.Н.* Численность и состав политических ссыльных Сибири. 1907-1917 // Ссыльные революционеры Сибири. Иркутск, 1973. С. 204, 213, 241.
- 38.*Кускова Е.Д.* Зигзаги общественного настроения//Русские ведомости. 1913. 1 января.
- 39.*Пайнс Р.* Русская революция. М., 1995.

© Б. Земцов, 1997